

АФК «СИСТЕМА»
совместно
с Российским государственным архивом
социально-политической истории
представляют

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА
АФК «Система»

Александр ВАТЛИН

УТОПИЯ НА МАРШЕ

История Коминтерна
в лицах

Москва
2023

УДК 94(47).084:327.323.31
ББК 63.3(2)6:66.61(0)
В21

Научный консультант серии
«Страницы советской и российской истории»
А. К. Сорокин

Ватлин А.Ю.

В21 Утопия на марше. История Коминтерна в лицах / Александр Ватлин. – М. : АФК «Система» ; Политическая энциклопедия, 2023. – 896 с. : ил. – (Страницы советской и российской истории ; Библиотека АФК «Система»).

ISBN 978-5-8243-2538-6

Одной из нераскрытых до конца тайн прошедшего века остается возникновение и деятельность международной организации коммунистов – Коминтерна, который стремился к радикальному переустройству устоев привычной жизни во всемирном масштабе. Инструментом достижения амбициозной цели выступали пролетарские массы всех стран, которым обещали наступление «царства божьего на Земле».

Эмиссары Коминтерна вели свою подпольную работу во всех странах мира, там возникали ячейки компартий, которые готовились к вооруженному захвату власти. Несмотря на многообразие условий, объединяющим стержнем их борьбы являлась верность «русскому примеру» – опыту большевиков, утвердивших свою диктатуру в ходе Российской революции.

Коминтерн был создан в Москве и на протяжении всего своего существования не скрывал, что его отцами-основателями являются лидеры большевистской партии. Без их решающего слова не совершались государственные перевороты и революции, не проводились его конгрессы и пленумы, не утверждалась его «генеральная линия».

Перед читателем пройдет череда лидеров международной организации коммунистов, начиная с Ленина и заканчивая Сталиным. Остальные четверо – Радек, Зиновьев, Троцкий и Бухарин – стали жертвами Большого террора, и надолго были стерты из нашей исторической памяти. Реальный вклад каждого из шестерых в дело «мировой революции пролетариата» впервые раскрывается в книге, опирающейся на уникальное архивное наследие Коммунистического Интернационала.

УДК 94(47).084:327.323.31
ББК 63.3(2)6:66.61(0)

ISBN 978-5-8243-2538-6

© Ватлин А. Ю., 2023
© Фонд поддержки социальных исследований, 2023
© Российский государственный архив социально-политической истории, иллюстрации, 2023
© Политическая энциклопедия, 2023

ВВЕДЕНИЕ

XX век вошел в историю как «эпоха крайностей»¹, когда вовлеченные в политику массы, ведомые харизматическими вождями, лихорадочно искали пути к светлому будущему, которое могло бы перечеркнуть омерзительное настоящее. Согласно радикальным идеологиям освобождения, такие пути могли открыться лишь после того, как будут разрушены все основы привычного мира, его общественно-политические и морально-психологические устои.

Одним из самых ярких проявлений подобного нетерпения стала советская эпоха в истории России, соединившая в себе крайности массовой мобилизации и жестокой диктатуры, невиданных темпов экономического роста и колоссальных жертв, лежавших в их основе. Идейным стержнем всех семидесяти лет советской власти выступала теория исторического материализма, согласно которой люди, накапливая опыт и совершенствуя орудия труда, перебирались со ступеньки на ступеньку общественно-экономических формаций, каждая из которых имела свой неповторимый облик.

Немецкий философ Карл Маркс, разработавший эту теорию в середине XIX века, был уверен в том, что время, в которое он жил, являло собой начало конца капиталистического способа производства, обострившего до крайности общественное неравенство. Простые люди видели, что их труд оборачивается невиданной роскошью, но не для них самих, а для кучки

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.

богачей, которые заправляли и парламентскими фракциями, и политическими партиями. Сторонники марксизма утверждали, что экономика частного предпринимательства и буржуазное государство стали тормозом социального прогресса, порождая не только безысходность и нищету социальных низов, но и войны, националистическую гордыню и закабаление целых народов. Однако вместе с мощью передовых европейских держав вырос и могильщик капитализма – пролетариат, т. е. люди наемного труда, которым суждено опрокинуть ненавистную систему.

Первой пробой сил стали европейские революции середины XIX века, в которых «синеглазые» выступили со своими собственными требованиями и лозунгами. Образ женщины с красным знаменем в руках, ведущей парижан на баррикады, стал символом новой эпохи. То, что раньше казалось досужей утопией, вроде «государства Солнца», превратилось в программу левых радикалов, требовавших немедленной отмены частной собственности и полного искоренения «буржуев», а значит – считавших себя коммунистами.

Перетолковывая Евангелие, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса бросал вызов уходящей эпохе: «Пролетариям нечего... терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир»¹. Этот мир, в котором не будет насилия и бедности, алчных торговцев и кровожадных эксплуататоров, весьма напоминал обывденные представления о рае, перенося его с небес на землю. Но ворота в этот мир не открывались сами по себе – рабочим всех стран следовало совместными усилиями свергнуть господство капиталистов, установить собственную диктатуру и взяться за строительство высшей из возможных ступеней человеческого прогресса, которая называлась коммунизмом.

Примерно так растолковывали теорию Маркса ее сторонники, выступая в роли апостолов одной из первых политических религий. Рабочие кружки в разных европейских странах, напоминавшие общины первых христиан, росли и превращались в массовые пролетарские партии, которые открыто заявляли о том, что рано или поздно низвергнут основы буржуазного общества. Презрение его верхушки, запреты властей и полицейские

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М., 1955. С. 459. Ср.: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Евангелие от Матфея, 16–26).

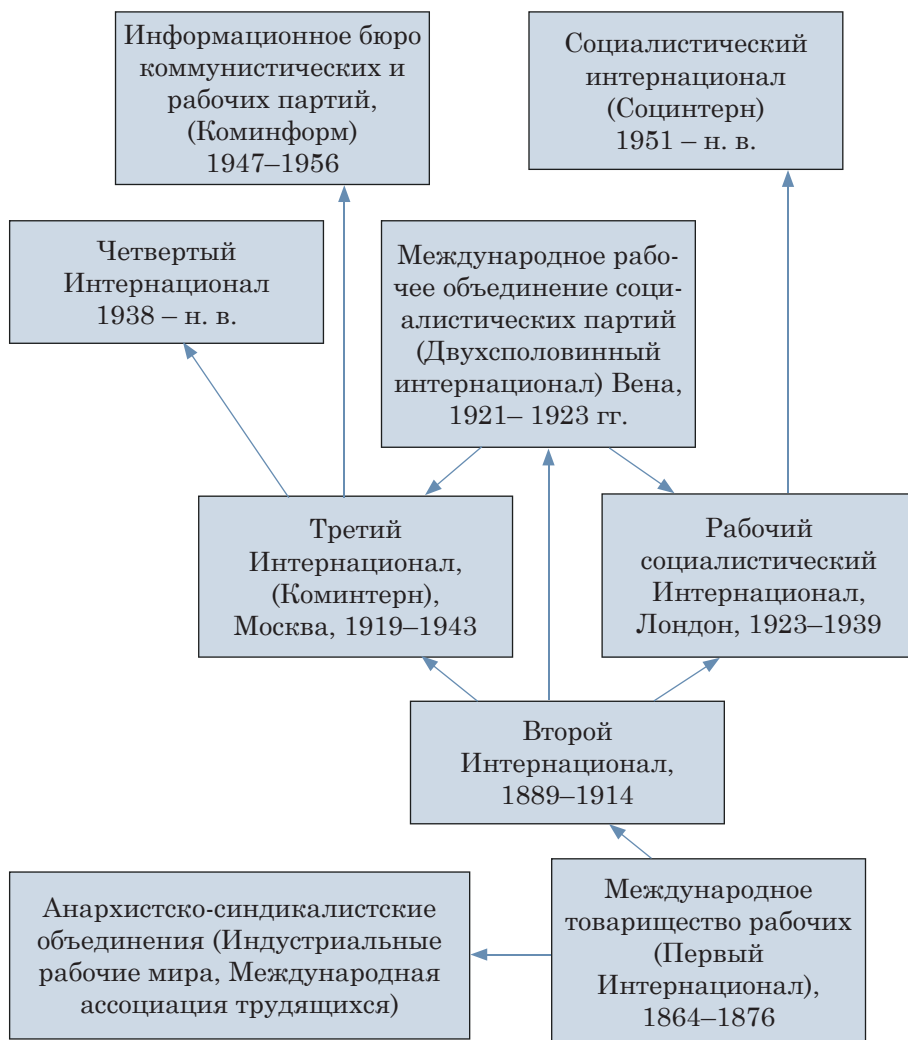
репрессии не смогли остановить рост сторонников и влияния новой политической силы.

Национализму, согласно которому правящим кругам великих держав разрешалось угнетать в повиновении этнические меньшинства внутри страны и колониальные народы на мировой периферии, марксистское крыло рабочего движения противопоставило лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Он подразумевал, что для трудящихся, которым нечего терять, кроме своих цепей, освобождение от гнета возможно только во всемирном масштабе, в результате революции, которая разразится сразу во всех ключевых государствах Европы.

При активном содействии теоретиков и практиков революции 1848–1849 годов, которая подобно степному пожару перекидывалась с одной страны на другую, – Карла Маркса, с одной стороны, и Михаила Бакунина – с другой, в 1864 году в Лондоне было основано Международное товарищество рабочих, вошедшее в историю как Первый Интернационал. Его создатели поставили своей задачей объединение рабочего движения различных стран, но вскоре из-за конфликтов между социалистами и анархистами Интернационал прекратил свое существование. Сказался и печальный опыт Парижской коммуны 1871 года – революционеры, «штурмовавшие небо», смогли на несколько недель овладеть лишь французской столицей.

Пролитая кровь сплотила радикальное крыло социалистов, и во Втором Интернационале, создание которого было провозглашено в 1889 году, уже безоговорочно доминировали марксистские идеи, которым поклонялись массовые рабочие партии, как правило, называвшие себя социал-демократическими. Анархистам не удалось создать столь же влиятельное политическое движение, хотя они обладали сильными позициями в европейских и американских профсоюзах. На рубеже XIX–XX веков лидеры социалистических рабочих партий заняли парламентские скамьи и даже министерские кресла, игнорировать их требования не мог ни один государственный деятель, будь то германский канцлер или британский премьер-министр.

Погрузившись в рутину политической борьбы в своих странах, они продолжали считать себя марксистами, отдавая должное конечной цели своего движения, провозглашенной более полувека назад. Однако и сам коммунизм, и мировая пролетарская революция не выдерживали сопоставления с ходом реальной

Эволюция международного социалистического движения – четыре Интернационала

жизни, постепенно превращаясь в «красивую сказку»¹, которая сплывала сторонников той или иной рабочей партии, но не

¹ «Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, – я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам?» [Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. (далее – ПСС). Т. 36. С. 19].

находила никакого отражения в ее повседневной политической деятельности.

Первая мировая война сорвала благопристойные покрывала и с империалистических устремлений правящих верхов европейских держав, и с пацифистских клятв лидеров Второго Интернационала. Рабочие партии поддержали военные программы правительств своих стран, расколовшись по линии двух противоборствующих коалиций. Лозунг превращения мировой империалистической войны в гражданскую оказался таким же пустым звуком, как и обещания международной рабочей стачки в ответ на всеобщую мобилизацию. Потребовались годы военных лишений и гибель миллионов людей, одетых в солдатские шинели, разрушение материальных основ цивилизации и погружение в «новое средневековье» для того, чтобы свести на нет патриотический подъем, охвативший европейский континент в августе 1914 года.

Этот подъем, или точнее националистический угар, заглушил голоса немногих радикальных социалистов, которые продолжали настаивать на исполнении решений предвоенных конгрессов Второго Интернационала. Многие из них нашли приют в нейтральной Швейцарии, которая и до начала Первой мировой войны предоставляла убежище политическим эмигрантам. Там уже около десяти лет проживал В.И. Ленин, считавшийся одним из самых непримиримых марксистских «ортодоксов» и сплотивший вокруг себя ту часть Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), которая называла себя большевиками.

Именно эта фракция в ходе революции 1917 года разрушила ее демократическую перспективу, а затем захватила и отстояла собственную власть на просторах бывшей Российской империи. Большевики воспринимали себя как продолжателей дела легендарных героев прошлого, считая, что им впервые в истории выпала честь осуществить предначертанную Марксом «диктатуру пролетариата», сохранить и перенести в остальные европейские страны зародившуюся на их родине искру мировой пролетарской революции. Здесь заканчивается краткая предыстория этой книги и начинается рассказ об одной из самых таинственных организаций прошедшего века – Третьем, или Коммунистическом, Интернационале.

Его учредительный конгресс, созванный в марте 1919 года на пике российской Гражданской войны, являлся ее следствием и подобием. Подготовленный Львом Троцким манифест но-

Архив
КОМИНТЕРНА
№ 516
МОСКВА. 772

Manifest

*Der kommunistischen Internationale
an das Proletariat der ganzen Welt.
gestimmt
von dem Delegierten*

<i>Deutschlands</i>	<i>Theremin (Herr Altwal)</i>
<i>Russlands</i>	<i>Kerim</i>
<i>Deutsch.-baltisches</i>	<i>Herr Kohnstadt (J. K. Gubor)</i>
<i>Ungarns</i>	<i>A. Rudnyansky</i>
<i>Schwedens</i>	<i>Edvin</i>
<i>Norwegens</i>	
<i>Schwiz</i>	
<i>Amerikas</i>	<i>Frank Staller</i>
<i>Balkanföderation</i>	<i>Boris Reinstein</i>
<i>Polens</i>	<i>Socialist Labor Party, U.S.A.</i>
<i>Finnlands</i>	<i>z. Urzilleh (Jurewki)</i>
<i>Ukrains</i>	<i>Yrjö Sirola</i>
<i>Lettlands</i>	<i>J. S. Bujnyk</i>
<i>Estlands</i>	<i>K. Gailis</i>
<i>Armeniens</i>	<i>Hans Pogelmann</i>
<i>Deutscher Kolonialgebiet</i>	<i>Haimani (Altkopis)</i>
<i>Ostvästlicher Russland</i>	<i>G. Alina</i>
<i>Zinnwalden-Linke Franklands</i>	<i>Zabymoff</i>
	<i>Herr Juelbeare</i>
	<i>Moskau 6. März 1919</i>

Подписи делегатов конгресса на Манифесте к пролетариям всего мира

6 марта 1919

[РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8844. Л. 1]

вой организации утверждал, что империализм привел к концу эпохи национальных государств и революций. Следовательно, и гражданская война, через которую придется пройти пролетариату для завоевания власти, с железной необходимостью будет вестись в мировом масштабе¹.

Антураж конгресса в полной мере соответствовал воинственным установкам большевиков. Он проходил в Кремле, который после переезда в Москву советского правительства превратился в военную крепость, недоступную простым смертным. В бывшем здании Сената, где когда-то размещались судебные учреждения Российской империи, собралось всего несколько десятков человек, которые должны были символизировать всемирный масштаб создаваемого движения. Три четверти из них представляли партию большевиков, которая теперь называлась Российской коммунистической – РКП(б).

«Настоящих» иностранцев было только двое – Гуго Эберлейн из Германии и Карл Штейнгард из Австрии, остальные – эмигранты, по тем или иным причинам оказавшиеся на тот момент в столице Советской России. Представителей угнетенных народов нашли в соответствующих отделах Наркомата по делам национальностей, руководитель которого И.В. Сталин срочно выписал им мандаты².

Фантасмагоричность дополняло то, что мероприятие, первоначально закрытое для советской прессы, происходило в нетопленном главном зале уголовной палаты, названном по имени героини одного из самых громких процессов прошлого века «Митрофаньевский». Пройдет ровно двадцать лет, и на третьем из сталинских показательных процессов один из героев этой книги, Н.И. Бухарин, заявит, что готов предстать только перед «судом истории».

Провозглашенный большевиками в Кремле как символ всемирного масштаба их движения Коминтерн на протяжении четверти века держал в напряжении и своих ярых врагов, и своих

¹ Манифест Первого конгресса Коммунистического Интернационала // Коминтерн и идея мировой революции. М., 1998. С. 106, 110.

² Протокол, сопроводительные документы и биографии участников Учредительного конгресса Коминтерна опубликованы в книге: Die Weltpartei aus Moskau. Gründungskongress der Kommunistischen Internationale 1919: Protokoll und neue Dokumente / Hrsg. von W. Helder und A. Vatlin. Berlin, 2008.

Мандат.
 Дано се тов. Карл Тетину в том
 что он командирован на всемирный
 съезд коммунистической партии как
 представитель партии коммунистов
 немецкой Австрии.
 Вена, 12 дня февраля 1919 г.
 Ц. К. партии

Н. Фриденберг
 секретарь

У. Шоман.
 прокурор

Det norske Arbeiderparti
 Centralstyret
 Frikkehus - Frikkehus 1155

Risningsdato Jan. 26. 1919

TO ALL COMRADES, GREETINGS.

This is to certify that comrade Grusenberg is hereby appointed delegate of the Norwegian Labour Party to represent same at any national or international socialist conference or congress in Russia.

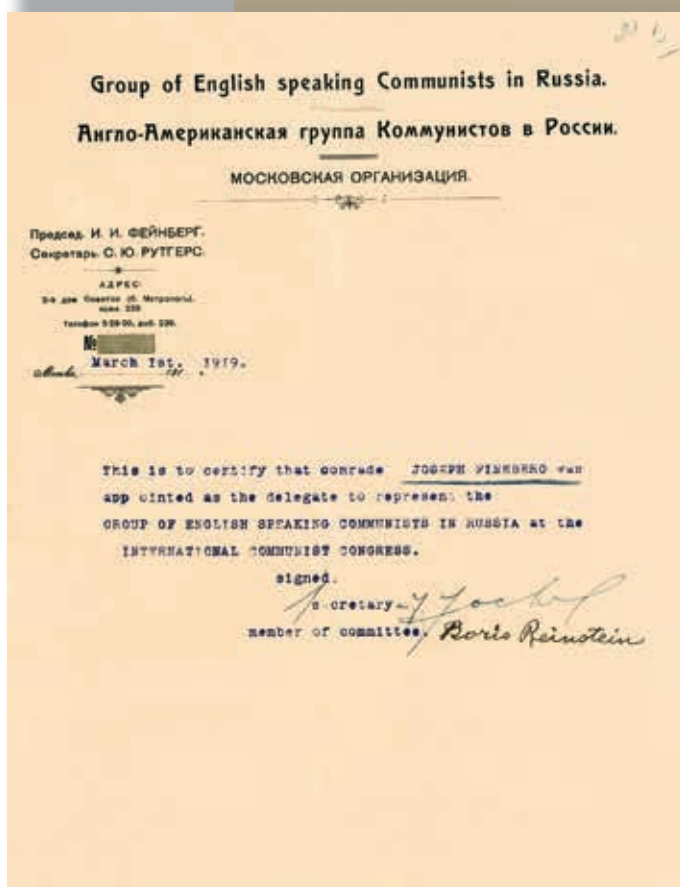
Should it be necessary comrade Grusenberg is hereby instructed to transfer the right of representation of the Norwegian Labour Party to any socialist who is affiliated with the Norwegian Labour Party and who represents the views expressed in the resolutions of the proletarian programme and tactics adapted at the last national congress of the Norwegian Labour Party.

Курт Грер
 Chairman.

I hereby transfer to comrade EMIL STANG the right of representation of the Norwegian Labour Party for the time comrade Stang shall remain in Russia.

М. Фриденберг

Мандаты
 делегатов
 Первого
 конгресса
 Коминтерна
 [РГАСПИ.
 Ф. 488. Оп. 1.
 Д. 13. Л. 2, 10,
 29, 33]

горячих сторонников. Идеи немедленного освобождения от всех и всяческих оков, разрыва с многовековыми традициями господства и подчинения были воплощены в жизнь в стране, которая казалась остальному миру оплотом деспотизма и «тюрьмой народов». На первых порах к идеям Коминтерна потянулось значительное количество левых социалистов, принявших лозунг «Сделаем, как в России!»

И здесь отцы-основатели новой организации попросту испугались – испугались того, что широта возникавшего движения коммунистов выйдет из-под их контроля. Ленинское «лучше меньше, да лучше» стало организационной основой Коминтерна, который рассматривал себя в качестве «генерального штаба мировой революции пролетариата». Хотя на словах большевики отстаивали массовость движения, выражали готовность работать в парламентах и профсоюзах, фикция «чистоты рядов» стала ахиллесовой пятой Коминтерна. Его лидеры вновь использовали библейские аналогии, считая, что умеренным социалистам так же не удастся пробраться в его ряды, как верблюду – пролезть в игольное ушко.

В результате история коммунистического движения стала историей внутренних кризисов и расколов, обогатив политический лексикон такими выражениями, как «ренегаты», «двурушники», «примиренцы» и т. д. Позже, в сталинском СССР подобные ярлыки получили уже уголовное толкование, став в конце концов идейным обоснованием «большого террора». Не желая входить в когорту «профессиональных революционеров», копировавших российский опыт, европейские рабочие начали искать иные пути борьбы за свои интересы, возвращались к реформистским методам достижения социализма. Звезда Коминтерна в Европе померкла уже к середине 1920-х годов.

Однако на периферии «цивилизованного мира», как тогда принято было говорить о зависимых и колониальных странах, его идеи находили все новых и новых сторонников. Для них был важен не только идейный пример Советского Союза, но и его материальная помощь, прежде всего военная. В разной степени, но весь мир был опутан «красной паутиной» тайных троп и маршрутов Коминтерна, посланцы которого действовали под прикрытием советских дипломатических представительств, антивоенных и молодежных организаций, пацифистских и даже религиозных союзов.

Эта паутина, в который были задействованы тысячи и тысячи людей самых разных национальностей, содержалась за счет

*«Привет, Товарищи!»
 Один из самых
 известных плакатов
 Д. Моора, посвященных
 образованию
 Коминтерна
 1920
 [Из открытых
 источников]*

средств из бюджета СССР, реальные масштабы которых до сих пор неизвестны. Для ее обслуживания в центре Москвы, напротив Кутафьей башни Кремля, огромное здание было отдано аппарату Исполкома Коминтерна (ИККИ), куда входили явные и тайные структуры этой организации. Последние взаимодействовали как с военной разведкой, так и с политической полицией СССР, создавая образ могущественной и всезнающей структуры, которую западная пресса тут же нарекла рукой Москвы. Благодаря коминтерновцам, работавшим в самых разных странах, на стол советского руководства ложились сверхсекретные документы, например, отчет о первом выступлении рейхсканцлера Гитлера перед руководством германской армии в феврале 1933 года¹, благодаря их усилиям в Москве узнавали о секретных опе-

¹ Enzensberger H. M. Hammerstein oder der Eigensinn. Eine deutsche Geschichte. Frankfurt a. M., 2008; Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское сопротивление. М., 2017. С. 175–177.

рациях западных спецслужб в тот момент, когда они только задумывались¹.

Но не об этих тайнах Коминтерна, которые в последние десятилетия породили целые библиотеки беллетристики весьма различного качества², пойдет речь в настоящей книге. Она посвящена не солдатам, а маршалам мировой революции, т. е. лицам, возглавлявшим международную организацию коммунистов на протяжении всей истории ее существования. Все они, начиная с Ленина и заканчивая Сталиным, прошли суровую школу подпольной борьбы в царской России, все они презирали нормы и правила западной демократии, которую считали «прогнившей» и «бессильной», хотя провели в европейских странах добрую часть своей политической жизни.

Этих людей объединяло то, что звездным часом их биографии был вооруженный захват власти и победа в жестокой Гражданской войне, именно этот опыт переносился ими на международную арену. Сплотившиеся вокруг Ленина, после его смерти они начали острую борьбу за то, чтобы оказаться главным хранителем его политического наследия. Один за другим они скатывались с пьедестала большевистской власти, превращались в политические ничтожества, а затем и в жертв судебных процессов, которым предъявлялись абсурдные обвинения. В их судьбах отразилась вся история утверждения и деградации большевистской диктатуры, а значит – история первых десятилетий Советской России.

Автор этой книги исходит из того, что Коминтерн был своего рода связующей нитью между отечественным и всемирным измерениями прошедшего века. Мы уже достаточно много знаем и о явной, и о тайной сторонах его деятельности, о его структурах и механизмах, но никогда еще под одной обложкой не были собраны биографии всех его основателей и руководителей. Такой подход позволит представить читателю российский стержень международного коммунистического движения, даст почувствовать его человеческое измерение и внутреннюю динамику.

То, что эта идея революционного перехода от капитализма к социализму не была реализована на практике, сегодня вряд ли

¹ См. отдельные очерки в сборнике: Тайная история отечественной внешней разведки. М., 2021.

² См. напр.: Линдер И.Б., Чуркин С. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна 1919–1943. М., 2005.

у кого вызывает сомнения. Значит ли это, что коммунисты были историческим неудачниками, «путниками в никуда», а их коминтерновский «проект был обречен на провал и сулил полное разочарование»¹, как утверждают современные историки, считающие себя либеральными? Конечно, нет. До сих пор остаются недостигнутыми цели, которые преследовали компартии: минимизация рисков экономического развития, социальная справедливость, подразумевающая равный доступ людей к общественным благам, эмансипация рабочего класса и прямое участие масс в принятии политических решений. Сама попытка создать некое всемирное движение с перспективой превращения в мировое правительство (наряду с альтернативным проектом Лиги наций) явилась отражением набравшего силу тренда к политической глобализации, которая в нынешнем веке стала необратимой реальностью.

Большинство людей, ставших героями этой книги, на многие десятилетия исчезли из официальной исторической памяти, оказавшись, согласно терминологии сталинизма, среди «врагов народа», куда были отправлены волей победителей во внутрипартийной борьбе 1920-х годов. Автору уже приходилось писать о том, что в результате такой цензуры «Коминтерн на протяжении всего своего существования оказывался организацией без людей, что создавало серьезные трудности для его современников и летописцев... Если говорить о человеческом измерении коммунистического движения в целом, то оно терялось за стандартными формулами “беззаветного служения рабочему классу”, а там, где в историю Коминтерна все же проникал биографический жанр, он производил исключительно образы рыцарей без страха и упрека»².

Помимо запоздалого заполнения «белых пятен» на жизненном пути героев этой книги она представит читателю пеструю картину первых десятилетий советской истории, когда ее творцы мыслили «мировым масштабом», пытались реализовать его на практике, затем спорили о его достижимости и, наконец, превратили в инструмент внешней политики государства, которое до последнего вздоха считали своим. Автор отдает себе отчет в

¹ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М., 2017. С. 519.

² Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2019. С. 11–12.

том, с какими трудностями сопряжена подобная попытка. В отличие от череды сменявших друг друга премьер-министров их невозможно выстроить в одну линию. Они были одновременно единомышленниками и соперниками, соратниками и врагами, а периоды, когда они возносились наверх, сменялись опалами и ссылками.

Отказавшись от выстраивания книги в виде эстафеты, в которой лидеры российских большевиков передают друг другу ключи от врат мировой революции, автор декларирует свой интерес к тому подходу, который в современной науке получил название транснациональной или «переплетенной» истории. Приложенный к Коминтерну, этот подход видит в нем не мертвый бюрократический механизм, а сообщество людей, являвшихся выходцами из различных социальных и культурных слоев, но сплоченных общим жизненным опытом, идейными установками и даже чертами характера¹.

Из этого вытекают неизбежные «переплетения», которые в итоге представят читателю эскиз коллективной биографии лидеров Коминтерна. Эта биография не будет исключительно политической, хотя жанр книги, казалось бы, делает такой выбор безальтернативным. Какие бы посты они не занимали, люди всегда оставались людьми, даже если всезнающие ученые возвели их в ранг «исторических деятелей».

Пусть даже в догматике классового подхода об этом писал в своих мемуарах Троцкий применительно к советской истории 1920-х годов: «Идеи первого периода революции теряли незаметно власть над сознанием того партийного слоя, который непосредственно имел власть над страной. В самой стране происходили процессы, которые можно охватить общим именем реакции. Эти процессы захватили в той или другой степени и рабочий класс. В том числе его партийную часть. У того слоя, который составлял аппарат власти, появились свои самодовлеющие цели, которым он стремился подчинить революцию».

Подобное раздвоение первоначально «имело больше психологический, чем политический характер. Вчерашний день был еще слишком свеж. Личные авторитеты вождей первого периода были высоки. Но под покровом традиционных форм уже складывалась другая психология. Международные перспективы туск-

¹ Studer B. The Transnational World of the Cominternians. Hampshire, 2015.

нели. Повседневная работа поглощала людей целиком. Новые методы, которые должны были служить старым целям, создавали новые цели и прежде всего новую психологию. Временная обстановка стала превращаться для многих и многих в конечную станцию. Создавался новый тип»¹.

Здесь Троцкий поставил точку и начал новый абзац, но его мысль можно было закончить словами публициста совершенно иного склада. Н.А. Бердяев в те же годы писал о «новом типе милитаризованного молодого человека», который появился в России вместе с диктатурой большевиков. «В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он пробивается в первые ряды жизни, он хочет быть не только разрушителем, но и строителем и организатором»².

Когда об одном и том же общественном феномене в одном и том же ключе рассуждают мыслители разных направлений и лагерей, это достойно особенного внимания. Ни один объемистый том не вместит в себя социологию большевистской революции, понятую через деградацию ее «старых целей», вызванную потускнением «международных перспектив». Мы можем показать ее лишь на отдельных примерах из жизни политических лидеров Коминтерна, большинству из которых выпала судьба пройти этот путь от начала до его трагического финала.

Хотелось бы подчеркнуть еще раз, что связующим звеном всех частей книги будет не Коммунистический Интернационал, который сам по себе являлся проекцией Российской революции на внешний мир, а тот политический режим, который установился в результате этой революции. Именно он стал стартовой точкой как для исторического пути Советской России, так и для эпохи противостояния двух мировых систем, в котором несколько десятков коммунистических партий западных стран занимали позицию «по ту сторону баррикады». Герои очерков предпочитали не называть себя коминтерновцами (может быть, единственным исключением был Карл Радек, считавший себя связным между

¹ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2021. С. 570–571.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 113–114.

*В советской пропаганде
Коминтерн и СССР
были неотделимы друг
от друга. Плакат
к XII годовщине Октября
1929
[Из открытых
источников]*

двумя мирами), ибо для российских большевиков это выглядело как принижение собственного статуса.

«Руководство русских товарищей в Коммунистическом Интернационале является нашей гордостью»¹, – говорилось в статье секретаря этой организации финна Отто Куусинена, появившейся в 1924 году. При этом лидеры РКП(б) как будто добровольно отказывались от завоеванного приоритета, ибо по уставу Коминтерна российская партия становилась всего лишь одной из его национальных секций, работавших под началом «генерального штаба мировой революции»².

Поражение революционных выступлений в ряде европейских стран после завершения Первой мировой войны, а затем и «государственническая» трансформация большевистской диктатуры, превращение ее в обычный авторитарный режим привели к

¹ Куусинен О.В. Под русским руководством // Коммунистический Интернационал. 1924. № 1. С. 36.

² Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 46–47.

тому, что политика Коминтерна попадала во всю большую зависимость от внутривнутриполитической ситуации в СССР. При этом постулат о верности принципам пролетарского интернационализма продолжал доминировать в советской пропаганде, надолго пережив сам Коминтерн. Постепенно национально-патриотические акценты в идеологии сталинского режима привели к вытеснению международных аспектов из истории большевизма – в «Кратком курсе истории ВКП(б)» Коминтерну было посвящено всего несколько строк.

Подобный стереотип сохранялся достаточно долго. «Краткий исторический очерк Коммунистического Интернационала», увидевший свет к 50-летию этой организации, сводил воздействие российской партии на Коминтерн исключительно к ленинским советам и указаниям. На его исследователей были наложены вериги партийно-классового подхода, иными словами – марксистско-ленинской догматики. «Это отнюдь не означало, что историки были обязаны фальсифицировать освещение прошлого, но анализ и толкование прошлого считался научным только при условии, если исследователь трактовал любые события с позиций сторонника этой теории»¹.

Книга не претендует на то, чтобы стать увертюрой (а тем более заменой) всеобъемлющего очерка истории мирового коммунистического движения, написанного в новую историческую эпоху, такой очерк, если не считать нескольких апологетических или разоблачительных версий, так и не появился и вряд ли появится в ближайшем будущем². Не будет в книге и «жареной» подкладки, смакующей факты коррупции и преступлений, без которых не обходится история любой политической организации, а тем более радикального движения нигилистского толка.

Даже избавленный от засилья шпионов и диверсантов, Коминтерн предстает перед читателем в нескольких обликах.

¹ Фирсов Ф.И. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М., 2019. С. 22. Автор книги в 1987–1991 годах возглавлял сектор истории Коммунистического Интернационала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и его признание, что подобные работы нельзя считать полноценными научными исследованиями, дорогого стоит.

² Из книг, переведенных на русский язык, стоит упомянуть обзорную работу английских историков, написанную на архивных материалах, ставших доступными в начале 1990-х годов: Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000.

В годы Гражданской войны вопрос о перспективах мировой революции занимал буквально каждого «сознательного пролетария», в которого волей-неволей превратилось большинство населения Советской России. О них рассуждали даже киношные герои вроде Чапаева и его ординарца Петьки (последний задавал комдиву животрепещущий в тех условиях вопрос: «Василий Иванович, а в мировом масштабе сможешь?»). Ради того, чтобы «землю в Гренаде крестьянам отдать», люди записывались в Красную армию, погибали и побеждали.

Во второй половине 1920-х годов идея пролетарской революции всемирного масштаба теряет свое сияние, становится частью агитпроповского лексикона, к которому привыкают, как привыкают к жужжанию мух на исходе лета. Об этом весьма проницательно рассуждал тот же Троцкий после того, как сам был изгнан из большевистского руководства: «За последние годы руководство систематически отучало партию интересоваться по-настоящему внутренней жизнью мирового рабочего движения, особенно его коммунистической партии... Нынешней насквозь казенной информации, приуроченной всегда к определенному сегодняшнему интересу руководящей верхушки, совершенно нельзя верить... Средний партиец начинает относиться к очередным катастрофам в Коминтерне, да отчасти в его собственной партии, как крестьянин относится к граду: ничего не поделаешь, приходится терпеть»¹.

Автор попытался дать портреты своих героев в интерьере эпохи, в которой им довелось жить и бороться, а декорации этой эпохи менялись гораздо быстрее, чем их скромные копии на театральные подмостках. И вновь хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о многострадальной России, чей пример увлек за собой левых радикалов во всех уголках земного шара. Перипетии внутрипартийной борьбы в РКП(б) – ВКП(б) в гораздо большей степени определяли коминтерновский курс, чем изменения политического климата в зарубежных странах.

Серию очерков о «русских товарищах», создавших и выпестовавших Коминтерн, открывает Ленин – ортодокс и фанатик, тактик и прагматик, соединивший в себе столько качеств, что до

¹ Троцкий Л.Д. Кто руководит ныне Коминтерном? // Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражения. М., 1993. С. 281.

Владимир Ильич Ленин
23 апреля 1920
[РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1.
Д. 187. Л. 1]

сих пор не появилось его научной биографии, сопоставимой по своему масштабу с ленинскими деяниями.

В самые критические моменты Гражданской войны, когда власть большевиков висела на волоске, Ленин отдавал себе отчет в том, что перед его партией стоят отнюдь не задачи российского масштаба. «Мы и начинали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»¹, – скажет он в третью годовщину Октябрьского восстания.

Обманувшись в своих надеждах на грядущую помощь европейского пролетариата, Ленин и его ближайшее окружение не ошиблись в выборе людей, подходящих для реализации собственного международного проекта. Первым среди них следует назвать Карла Радека – выходца из австрийской Галиции, с которым Ленин познакомился в Цюрихе только в годы мировой войны.

Радек отличался цепким умом и безудержным цинизмом, идеально подходя на роль исполнителя деликатных поручений. Именно он в первые недели после заключения перемирия на Западном фронте пробрался из Москвы в Берлин, чтобы стать вождем разворачивавшейся там революции. Успев выступить в качестве посланца большевиков на первом съезде германской

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 42. С. 1.

*Карл Бернгардович Радек
1920
[РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 2.
Д. 200. Л. 1]*

компартии (КПП), Радек был арестован, и весть о создании Коминтерна добралась до него уже в берлинской тюрьме Моабит.

С достаточной долей уверенности можно предположить, что будь Радек в Москве в дни Учредительного конгресса этой организации, бразды правления ею были бы переданы именно ему. Галицийский еврей быстро освоил не только русский язык, но и ленинские приемы политической борьбы, и на протяжении первых пяти лет истории Коминтерна именно его можно было бы назвать «серым кардиналом» этой организации.

Ее парадной вывеской, или официально Председателем Исполкома, стал еще один соратник Ленина по швейцарской эмиграции, Г.Е. Зиновьев.

Конфликт Зиновьева с Радеком (тот вернулся из Берлина уже в начале 1920 года) был запрограммирован большим самолюбием первого и публицистическими вольностями второго. Вероятно, нескончаемая дуэль двух кураторов зарубежных компартий входила в планы Ленина, который таким образом сохранял за собой роль верховного арбитра между ними.

Прогрессировавшая болезнь и скоротечный уход из активной жизни вождя большевистской партии поставили перед ближайшим окружением вопрос о разделе его политического наследия. Радек, как и ряд других представителей «узкого круга», сделал

*Григорий Евсеевич
Зиновьев
1920-е
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1.
Д. 324. Л. 1]*

ставку на Троцкого – и проиграл. Создатель Красной армии был слишком самоуверенным для того, чтобы в полной мере оценить угрозу, которая исходила от сторонников «коллективного руководства» во главе с Зиновьевым и Сталиным.

Троцкий справедливо полагал, что за рубежами Советской России он был самым известным и узнаваемым деятелем большевистского этапа революции после Ленина. Но этого было недостаточно для победы во внутрипартийной схватке. Его прочные контакты с руководством французской и американской компартий также не стали гарантией успеха. Троцкий не выражал особого стремления принять под свое крыло Коминтерн, понимая, что эта организация – не для политических тяжеловесов. Однако след, оставленный им в международном коммунистическом движении, заслуживает того, чтобы ему был посвящен отдельный очерк.

Во второй половине 1920-х годов на большевистском Олимпе произошли серьезные перемены. Борьба за ленинское наследство не снижала своего накала, однако состав двух противоборствующих партий изменился. Троцкий объединился с Зиновьевым и Каменевым, Сталин взял себе в союзники Бухарина, который явно не просчитал до конца эндшпиль шахматной партии. С 1926 года именно Бухарин начал вытеснение из Комин-

*Николай Иванович Бухарин
1927
[РГАСПИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 58.
Л. 98]*

терна Зиновьева, хотя так и не сменил того на посту Председателя ИККИ.

Сталин в очередной раз замаскировал свои действия словами о «коллективном руководстве», предложив создать аналог большевистского Политбюро – Политический секретариат Исполкома Коминтерна. Бухарин, известный своим радикализмом, взялся за проведение в жизнь «левого поворота» международного коммунистического движения.

Не прошло и двух лет, как сталинско-бухаринский блок дал трещину. Летом 1928 года, накануне Шестого конгресса Коминтерна, Бухарин начал искать союзников среди проигравших оппозиционеров. После конгресса он, не выдержав нападок Сталина и его подручных в зарубежных компартиях, заявил, что отказывается от работы на всех своих постах.

За несколько месяцев сталинская фракция слепила фиктивный образ «правого уклона», и Бухарин вместе со своими немногочисленными соратниками оказался в том же «оппортунистическом болоте», где уже несколько лет пребывали его вчерашние оппоненты.

После вывода Бухарина из Политсекретариата ИККИ место неформального руководителя Коминтерна ненадолго занял Молотов.

*Иосиф Виссарионович Сталин
1937
[РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11.
Д. 1650. Л. 20 об.]*

*Вячеслав Михайлович
Молотов
1930-е
[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2.
Д. 1599. Л. 8]*

Проработка Эдварда Прухняка, члена Политбюро ЦК компартии Польши (КПП) и члена Президиума ИККИ, в ходе которой использовались подобные аргументы, завершилась прямой угрозой: мы пять лет возились с Троцким, «пока наконец не выкинули его из партии и не арестовали, как врага коммунизма»¹.

В дальнейшем Молотов, загруженный совнаркомовскими делами, передал бразды правления Пятницкому и Мануильскому, которым направлялись выписки решений Политбюро по коминтерновским вопросам для исполнения. Сталин, регулярно получавший проекты ключевых резолюций ИККИ, лишь изредка достаивал их своими лапидарными резолюциями². После окон-

¹ Выступление Молотова в польской комиссии ИККИ, 1929 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 212. Л. 107.

² Фирсов Ф.И. Сталин и Коммунистический Интернационал // История и сталинизм. М., 1991. С. 180–183.

чательной победы во внутрипартийном конфликте генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не принял в свою титулатуру регалий Коминтерна, оставшись «рядовым» членом Президиума ИККИ. Его вполне устраивала роль «отсутствующего режиссера», который довел до абсолюта исполнительское мастерство своих актеров.

Самой трагичной страницей в истории международной организации коммунистов стала эпоха «большого террора» в СССР. Из героев очерков этой книги только Ленин и Сталин умерли своей смертью. Под безжалостный пресс преследований попадали и рядовые члены зарубежных партий, бежавшие от полицейских преследований в своих странах, и сотрудники аппарата Исполкома всех рангов¹. Больше всего жертв было среди работников Службы связи ИККИ – ведь они постоянно выезжали за рубеж, а значит, напрямую контактировали с «классовым врагом». Абсурдность обвинений не знала границ, эмигранты сами «помогали» следователям НКВД – достаточно было признания в том, что человек был выпущен из концлагеря, чтобы в протоколе допроса зафиксировать этот факт как вербовку в агенты гестапо.

Террор не пощадил и значительную часть руководства компартий, находившихся на нелегальном положении, и коминтерновских функционеров высшего ранга. Следствие свело предъявленные им обвинения в одно дело, очевидно, рассчитывая на то, что из них можно будет «слепить» громкий судебный процесс. Он весьма соответствовал бы логике «большого террора», который сопровождался шпиономанией и подозрениями в адрес любого иностранца. Вопрос о том, почему Сталин не дал добро на осуждение группы членов Президиума ИККИ и сотрудников его аппарата в ходе особого, четвертого по счету показательного процесса, до сих пор остается открытым². Имеет право на существование версия, что отказ ключевых фигурантов запланированного судилища от дачи вымышленных показаний заставил его организаторов отступить от своего замысла³. Однако скорее

¹ Только за 1937–1938 годы были арестованы 113 сотрудников аппарата ИККИ, еще примерно столько же было уволено до ареста и не попало в статистику репрессий (Пантелеев М.М. Репрессии в Коминтерне // Отечественная история. 1996. № 6. С. 161).

² Müller R. Der Fall des “Antikomintern-Blocks”. Ein vierter Moskauer Schauprozess? // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. Berlin, 1997. S. 187–214.

³ Пятницкий В.О. Заговор против Сталина. М., 1996.

*Георгий Михайлович
Димитров
1935
[РГАСПИ. Ф. 421. Оп. 1.
Д. 272. Л. 1]*

всего «антикоминтерновский заговор» был одним из нескольких заготовленных впрок сценариев, для превращения которых в открытый судебный процесс нужны были серьезные аргументы и отмашка властей.

Так или иначе, репрессии в Коминтерне расчистили дорогу новому поколению руководителей, которое возглавил болгарин Георгий Димитров.

Его триумфальное возвращение в Советский Союз весной 1934 года после того, как он был оправдан имперским судом Германии по делу об участии коммунистов в поджоге рейхстага, совпало с размышлениями Сталина о необходимости серьезной реорганизации структуры и изменения методов работы Коминтерна, который двигался, говоря словами Троцкого, «от поражения к поражению».

Действительно, компартии не смогли использовать благоприятную для себя конъюнктуру мирового экономического кризиса 1929 года для того, чтобы возглавить протесты безработных и раскачать внутривнутриполитическую ситуацию в ведущих западных странах. В Германии, больше других пострадавшей от последствий кризиса, Веймарская демократия, которую коммунисты считали лживой и буржуазной, была уничтожена не пролетарским восстанием, а захватом власти нацистами. Риторика миро-

вой революции, которую транслировала коминтерновская пресса на десятках языков, мешала реальной интеграции СССР в послевоенную систему международных отношений (в сентябре 1934 года он вступил в Лигу наций).

Встречи с Димитровым убедили Сталина в том, что его собеседник обладает достаточным опытом подпольной борьбы для того, чтобы не отступать от модели захвата власти, предложенной большевиками. В то же время болгарин, более десяти лет выступавший в роли коминтерновского эмиссара в различных компартиях, был способен учесть новые тенденции в политическом развитии европейских стран и прежде всего нарастающую фашистскую угрозу.

В течение года после возвращения в СССР Димитров, ставший неформальным лидером Коминтерна, подготовил поворот к политике антифашистского народного фронта. Летом 1935 года Седьмой конгресс Коминтерна был утвержден.

Акцент был перенесен на защиту демократических завоеваний и антивоенную работу, которая, как и ранее, мыслилась в категориях защиты Советского Союза от империалистической агрессии, однако была дополнена указанием на национальный долг коммунистов – защиту своей страны, если она подвергнется нападению извне.

Лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти, выступавший по этому вопросу, подчеркнул, что после крушения Версальской системы мир ждет «фашистская война», война, «разрушающая все то, что делает возможным жизнь современной культурной нации»¹. Закрывая конгресс 20 августа, Димитров подчеркнул, что «мы намеренно выбросили из решений конгресса громкие фразы о революционных перспективах». Они были отодвинуты в неопределенное будущее, на повестке дня перед антифашистскими силами стояли оборонительные задачи.

Болгарский коммунист был избран Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна, из его аппарата устранили оппонентов новой тактики. Хотя политическая социализация Димитрова, которому на тот момент не было и пятидесяти, прошла в условиях, максимально приближенных к большевистскому подполью, а последующее десятилетие он проведет в СССР, включение его в пантеон российских лидеров Коминтерна было бы неоправ-

¹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов. М., 1975. С. 231, 291.

*Открытие Седьмого конгресса Коминтерна
25 июля 1935
[РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 6. Л. 1]*

данным. Его деятельность отражала новый (последний) этап жизни международной организации коммунистов, который характеризовал переход отдельных компартий к большей организационной и политической самостоятельности, что диктовалось установками антифашистской борьбы, в том числе и в условиях германской оккупации.

После победы над гитлеровским фашизмом Георгий Димитров, Вильгельм Пик, Пальмиро Тольятти, Морис Торез и другие лидеры коммунистического движения вернулись в свои страны. Авторитет коммунистов как активных борцов Сопротивления позволил им занять достойное место в партийно-политической системе стран Центральной и Западной Европы. Но одновременно с уничтожением общего врага возродились отошедшие на второй план идейные предубеждения и социальные конфликты как национального, так и глобального масштаба. Традиции сотрудничества антигитлеровской коалиции были перечеркнуты логикой холодной войны.

Коммунисты удостоились особой «чести» быть упомянутыми в фултонской речи Уинстона Черчилля как прислужники и подручные Москвы, чья роль сводилась к ее подрывной силе: «Во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра. За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации»¹.

Фактически лидер британских тори транслировал клише антикоминтерновской пропаганды предыдущих десятилетий, которые, как оказалось, пережили своего врага (деятельность руководящих структур Коминтерна была прекращена решением его Исполкома с 10 июня 1943 года²). Ответ на фултонскую речь не заставил себя долго ждать. В сентябре 1947 года было провозглашено создание Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, в которое наряду с ВКП(б) вошли шесть партий из стран, находившихся в сфере советского влияния, а также компартии Италии и Франции.

Сам состав его участников свидетельствовал о том, что «Коминтерн 2.0» не был копией своего предшественника. Однако на протяжении последующих десятилетий вплоть до завершения истории мирового коммунизма традиции и принципы, заложенные в 1919 году, оставались его идейным стержнем³. Политическое руководство в странах «реального социализма» от Восточной Германии до Северного Вьетнама возглавили выходцы из коминтерновской эпохи – достаточно упомянуть Вальтера Ульбрихта и Георгия Димитрова, Мао Цзэдуна и Хо Ши Мина.

О том, насколько формальной была на практике верность заветам Коминтерна, свидетельствует фраза, невзначай брошен-

¹ Фултонская речь Черчилля. Публикация В.О. Печатнова // Источник. 1998. № 1. С. 97.

² Коммунистический Интернационал. 1943. № 5–6. Это был последний номер официального периодического издания международной организации коммунистов.

³ См.: Традиции Коминтерна и современное коммунистическое движение // Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. Гл. 7. С. 547–597.

ная М.С. Горбачевым на совещании со своими помощниками 29 сентября 1986 года. Речь зашла о своеволии лидеров социалистических стран, пытавшихся выстроить между собой горизонтальные связи без оглядки на волю Москвы. Последний генсек советской компартии высказался на этот счет достаточно резко, взяв под защиту обновленцев: пора избавляться от «коминтерновского начала» в отношениях с союзниками¹. То, что и создание, и конец международного коммунистического движения были предрешены лидерами советского государства, лишней раз оправдывает замысел и структуру книги, которая сейчас раскрыта перед читателем.

Обширное введение читателя в замысел этой книги делает излишним формальное заключение, венчающее авторский текст. Оно было бы необходимым, если бы предметом нашего рассмотрения являлась история Коминтерна как международной организации, а не ее человеческий фактор. В отличие от политических структур и механизмов людские судьбы невозможно привести к общему знаменателю, пусть даже это были люди, для которых следование идее (как покажут очерки, понимаемой по-разному) стало определяющим стержнем жизненного пути. И заключение, как бы его не разворачивать, неизбежно сведется к иллюстрации избитой истины о том, что опыт прошлого не является путеводной звездой в будущее, он лишь предупреждает от повторения новыми поколениями тех же ошибок и заблуждений, которые уже успели совершить их предшественники.

Книга построена как серия биографических очерков, посвященных тому или иному «отцу-основателю», что делает неизбежными повторы в изложении материала. Но потеря личностного начала была бы еще более ощутимой. Автор старался по возможности избегать повторов, стремясь к тому, чтобы все части были связаны друг с другом общим историческим фоном. В ряде случаев в примечаниях даются отсылки к другим очеркам, если в них те или иные факты изложены более основательно и подробно. Сделано это для того, чтобы читатель, заинтересовавшийся только одним из деятелей Коминтерна, получил о нем достаточно полное представление, включая контекст происходивших событий и принимавшихся решений.

¹ Михаил Горбачев и германский вопрос: Сборник документов 1986–1991. М., 2006. С. 19.

Настоящей книгой автор подводит итог своим многолетним исследованиям, которые были посвящены различным сторонам деятельности Коминтерна¹. Ключевые выводы, сделанные на протяжении тридцати лет, в основном выдержали проверку временем, но в ряде случаев при подготовке этой книги были подвергнуты коррективам или смягчены. Оставим рефлексии на этот счет историографам будущего, отметим лишь, что основные научные работы и документы, ставшие доступными за это время, автор старался максимально полно учесть при подготовке биографических очерков.

Это прежде всего относится к архивным материалам Коминтерна, которые ныне являются составной частью Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Без постоянной помощи и поддержки со стороны его руководства, хранителей и научных сотрудников ни одна из авторских книг, посвященных Коминтерну, не увидела бы свет. В связи с этим следует отметить, что в научном аппарате настоящей книги архивные сигнатуры даются на момент обращения автора к архивным делам, а первые выписки из них делались в годы перестройки в тогда еще «секретных тетрадах», являвшихся собственностью ИМЛ при ЦК КПСС.

Времена изменились, и тетради, некоторые страницы которых превратились в лохмотья из-за вырезанных цитат, отклонявшихся от партийных канонов (иногда анонимный цензор писал на полях: «Это к делу не относится»), сами стали образом прошлого. Но проблема заключается не в этом. С момента перехода архива КПСС под крыло государства многие из дел были переформатированы, менялась их нумерация, исчезали одни и появлялись другие фонды и описи.

Далеко не во всех случаях автору удалось привести ссылки книги на архивные источники в соответствии с ними, за что он заранее приносит свои извинения внимательным читателям и вездливым критикам. Чтобы дать шанс будущим исследователям для дальнейшего поиска, там, где есть такая возможность, примечания не ограничиваются «глухой» ссылкой на место хранения того или иного цитируемого текста в архиве, но и указывают дату и характер самого документа (протокол, резолюция,

¹ Первая монография, посвященная Коминтерну, появилась на рубеже постсоветской эпохи: Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые десять лет. М., 1993.

речь, заявление и т. д.), а в случае письма – его отправителя и адресата.

Документальное наследие Коминтерна и его партий как нельзя лучше описывается афоризмом Козьмы Пруткова «нельзя объять необъятное». Вероятно, что среди цитируемых по архивным фондам документов найдутся и те, что были опубликованы уже в нынешнем веке – интерес к истории Коминтерна на протяжении постсоветского тридцатилетия постепенно угасал, но это не означало полной остановки его научного исследования. Однако большинство публикаций выходило мизерными тиражами, печаталось с ориентацией на иностранную аудиторию (финскую, монгольскую, корейскую и т. д.).

Обилие цитат в публикуемых очерках определяется биографическим жанром книги – слово предоставляется самим героям, пусть даже их речи, тезисы и предложения, понятные современникам, требуют ныне расшифровки в виде развернутых комментариев. Автор книги не скупился на них, что во многом определяет и ее большой объем, и некоторые отклонения от хронологического принципа подачи материала. Накал политической борьбы, страстные дискуссии, запечатленные в использованных источниках, накладывают свой отпечаток на стилистику текста, который может показаться кому-то из коллег по историческому цеху не всегда академичным, а иногда и нарочито упрощенным.

Полезная, но необязательная информация, а также высказывания, принадлежащие героям очерков или их политическим оппонентам, даются в подстрочных примечаниях. Автор сознательно свел к минимуму цитирование документов, опубликованных в момент их появления на свет и обращенных к широкой публике. Эти воззвания, заявления, открытые письма отражают львиную долю работы коминтерновского аппарата. Их нетрудно найти в прессе тех лет, да и выдержаны они в одном и том же пропагандистском ключе, а значит, не содержат чего-то нового для читателя, ориентирующегося в советском прошлом.

Напротив, переписка российских лидеров Коминтерна с их зарубежными подопечными представляется крайне важным источником, практически не введенным в научный оборот¹, хотя аналогичные издательские проекты, касающиеся ВКП(б), вы-

¹ Подобные материалы публиковались в сборниках документов, освещавших идейные или региональные аспекты деятельности между-

звали огромный интерес исследователей¹. Речь идет прежде всего о письмах, отправлявшихся в Москву эмиссарами мировой революции из всех уголков земного шара (достаточно указать на Карла Радека, любившего эпистолярный жанр), многие из которых отложились в личных секретариатах Ленина и Зиновьева. Последний активно использовал полученную информацию для принятия кадровых решений и поощрения внутрипартийных интриг, неоднократно призывая лидеров зарубежных компартий «писать возможно чаще в порядке личной дружественной переписки»².

Ее недоступность для историков в советское время, языковой барьер и трудности с реконструкцией контекста, в котором создавалось то или иное письмо, наконец, значительные лакуны, связанные с неполной сохранностью документации – все это делает ее достаточно сложной для понимания и интерпретации. Тем более важен свежий пласт материала для того, чтобы предоставить вниманию читателя личный фактор в истории Коминтерна, тот индивидуальный «почерк», который отличал политическую биографию того или иного из его основателей. Если читатель увидит в их действиях не автоматические функции безликого механизма, если почувствует, что самые твердокаменные большевики также состояли из плоти и крови, из чувств и эмоций, симпатий и антипатий, то задачу книги можно будет считать выполненной.

И в заключение несколько мелочей, которые могут оказаться полезными. Автор исходит из того, что подготовленный им текст будет читаться целиком. Поэтому полное название цитируемой книги, статьи или документа дается в подстрочных примечаниях лишь один раз, а не повторяется в начале каждого очерка. Также один раз даются инициалы российских и имена иностранных лиц, упомянутых в тексте. Читатель без труда найдет их первое упоминание, воспользовавшись именованным указателем. Для ознакомления с краткими биографиями российских и зарубежных деятелей коммунистического движения следует

народной организации коммунистов. См.: Коминтерн и идея мировой революции.

¹ См. книги из серии «Документы советской истории», в первую очередь: Большевицкая переписка. 1912–1927. М., 1996.

² Письмо Зиновьева Марселю Кашену и Оскару Фроссару от 1 августа 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 549. Л. 88.

обратиться к сборнику «Политбюро и Коминтерн», который содержит ключевые документы о взаимоотношениях российской и иностранных компартий¹. Важную помощь тем, кто хочет понять все хитросплетения кадровой эволюции Коминтерна, окажет справочник, посвященный его организационной структуре².

При цитировании архивных документов по умолчанию расшифровываются сокращения, исправляются опечатки, грамматические и стилистические ошибки. При написании «Политбюро» для более легкого восприятия текста опускается «ЦК РКП(б) – ВКП(б)». Названия руководящих органов других партий приводятся первый раз полностью (некоторые из компартий также возглавлялись Политбюро и Центральными комитетами), далее – согласно принятым аббревиатурам. В тексте много кавычек, т. к. наряду с цитатами, которые снабжаются отсылкой к источнику, автором берутся в кавычки слова и устойчивые выражения, имеющие непривычный для современного читателя смысл, вложенный в них либо догмами официальной идеологии, либо логикой внутрипартийной борьбы. Когда-то они находились на слуху у миллионов людей и обходились без «закавычивания», будь то «солдаты мировой революции» или «герои германского Октября», «русская делегация» или «объединенная оппозиция». Но эти времена ушли в прошлое.

Замена «уклонов», «шатаний», «рenegатства» или «капитулянтства» словами, более понятными нам и любезными нашему слуху, придаст книге в большей степени академический характер, но лишит аромата той эпохи, которым дышали ее герои. В ней появлялись не только новые термины и словосочетания, значение которых колебалось вместе с «генеральной линией партии». Даже простые сокращения придавали словам особый смысл. Все вместе это и составляло тот самый коминтерновский «новояз», на который обратил внимание Джордж Оруэлл в своем знаменитом романе «1984»: «Слова “Коммунистический Интернационал” приводят на ум сложную картину: всемирное братство, красные флаги, баррикады, Карл Маркс, Парижская Коммуна. Слово же “Коминтерн” напоминает всего лишь о крепко

¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы (далее – ПБ и КИ). М., 2004. Биографии лиц, упомянутых на страницах сборника, см.: С. 824–907.

² Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.Г., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997.

спаянной организации и жесткой системе доктрин. Оно относится к предмету, столь же ограниченному в своем назначении, как стол или стул»¹.

Внимательный читатель заметит, что автор книги пишет о левых деятелях или течениях в коммунистическом движении без кавычек, а о «правых» – в кавычках. Этот факт также требует объяснения. Хотя Председатель Исполкома Коминтерна и говорил о том, что «левее коммунизма ничего быть не может»², именно «левизна» (возьмем вслед за Лениным это слово в кавычки) являлась родимым пятном коммунистического движения, в то время как понятие «правые» употреблялось как политический ярлык, клеймивший тех коммунистов, которые еще не освободились от «проклятого наследия» Второго Интернационала. К середине 1920-х годов этот ярлык несколько выйдет из употребления, но вернется в лексикон Коминтерна после того, как «правый уклон» будет замечен и начнет искореняться в самой партии большевиков.

Завершая разговор о коминтерновском языке, следует отметить, что на протяжении первого десятилетия работы международной организации коммунистов немецкий язык доминировал в ее официальных документах. Лидеры партии большевиков, принимавшие постоянное участие в ее работе, прекрасно им владели – многие освоили его за годы вынужденной эмиграции в дореволюционную эпоху. В штате ИККИ состояло немалое число переводчиков, присланных компартиями из своих стран. Материалы конгрессов и пленумов Коминтерна издавались на многих языках мира, включая и русский, воззвания и резолюции его руководящих органов печатались в «Правде». Иначе обстоит дело с перепиской «отцов-основателей», посвященной тем или иным сюжетам международной деятельности коммунистов. Значительная часть ее велась на немецком языке и переводилась на русский самим автором книги, который принимает на себя ответственность за все шероховатости, стилистические погрешности и возможные неточности в сделанных переводах.

¹ Оруэлл Д. 1984. Скотный двор. М., 2004. С. 313.

² Зиновьев Г.Е. Третий Интернационал и его всемирно-историческое значение. Пг., 1920. С. 14.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Часть 1.</i> Ленин. Первый из демиургов	39
1.1. Против течения – из эмиграции в Петроград	39
1.2. От Бреста до Берлина	44
1.3. Конец отступления	54
1.4. Учреждение Коминтерна	67
1.5. Борьба с левизной	79
1.6. Второй конгресс Коминтерна	86
1.7. После конгресса. Ленин и Цеткин	102
1.8. Поворот Третьего конгресса	107
1.9. Ленин и политика единого рабочего фронта	116
1.10. Встреча трех Интернационалов	127
1.11. Политическое завещание вождя	136
<i>Часть 2.</i> Карл Радек. Глашатай мировой революции	151
2.1. На пути в Советскую Россию	151
2.2. «Ваш до виселицы» – Карл Радек в Москве	157
2.3. На службе в Наркоминделе	162
2.4. Флагман большевистской пропаганды	171
2.5. Курс на германскую революцию	177
2.6. В Берлин по справке – учреждение КПП	191
2.7. «Спартакровский путч»	198
2.8. Узник тюрьмы Моабит	203
2.9. Карл Радек и Пауль Леви	212
2.10. Секретарь Исполкома Коминтерна	219
2.11. Открытое письмо КПП	227
2.12. Идея единого рабочего фронта	237
2.13. Сближение с социалистами	244
2.14. Вновь на дипломатическом паркете	257
2.15. Оккупация Рура и реакция Коминтерна	267
2.16. Дискуссия о фашизме и речь о Шлагетере	280
2.17. Курс на германский Октябрь	285
2.18. Варшава – Дрезден – Берлин	298
2.19. В стане оппозиции	308
2.20. «Китайская косичка»	315
<i>Часть 3.</i> Зиновьев. Лидер поневоле	325
3.1. Человек не на своем месте	325
3.2. После Бреста	331

3.3. Первые шаги Коминтерна	339
3.4. Второй конгресс	352
3.5. Визит в Германию	363
3.6. Единый рабочий фронт и Первый пленум ИККИ	377
3.7. Зиновьев о встрече трех Интернационалов	383
3.8. Лучший год Коминтерна	390
3.9. Первые шаги без Ленина	396
3.10. Кризис в Германии и его оценки в Москве.	407
3.11. Провал германского Октября	418
3.12. Последний взлет – Пятый конгресс.	430
3.13. КПГ в руках «зиновьевцев»	443
3.14. Разрыв со Сталиным	459
3.15. Формирование «объединенной оппозиции»	468
3.16. От отставки до расстрела	475
<i>Часть 4. Троцкий: «Мы – авангард авангарда»</i>	<i>486</i>
4.1. На капитанском мостике.	486
4.2. Ставка на красноармейский штык	491
4.3. Несостоявшийся триумф на Четвертом конгрессе.	506
4.4. 1923 год – вызов брошен	518
4.5. Один против всех	530
4.6. Во главе объединенной оппозиции	541
4.7. Китайская революция и английская стачка	548
4.8. Арьергардные бои	558
4.9. Голос из ссылки	567
4.10. В последней эмиграции	580
<i>Часть 5. Бухарин. Местоблюститель.</i>	<i>591</i>
5.1. Путь на вершину	591
5.2. Погружение в коминтерновские проблемы	602
5.3. Дуумвират.	613
5.4. Реформы и интриги	630
5.5. Красная Вена и левый поворот	641
5.6. Китайские сюжеты.	657
5.7. На грани разрыва	668
5.8. Программа мировой революции	682
5.9. Шестой конгресс.	701
5.10. «Правый уклон» в Коминтерне	710
5.11. Уроки недожитой жизни.	722
<i>Часть 6. Сталинский Коминтерн.</i>	<i>731</i>
6.1. Большевизация или сталинизация?	731
6.2. Как без Ленина?	740
6.3. Кто после Ленина?	756
6.4. «Русская делегация», Англия и Польша.	766
6.5. Финальные битвы с оппозицией	783
6.6. Китайская революция на фоне конфликта в партийном руководстве	788
6.7. Сталин и Бухарин – вместе или порознь?	800
6.8. Сталинские акценты программы Коминтерна	804

6.9. Шестой конгресс	816
6.10. Горячая осень 1928 года	827
6.11. Сталин и аппарат Коминтерна на рубеже 1920–1930-х годов	837
6.12. «Кадры решают все»	847
6.13. К антифашистскому народному фронту	853
6.14. Последние годы Коминтерна	874
Избранная библиография	887
Именной указатель	889

Научно-популярное издание

Страницы советской и российской истории

Ватлин Александр Юрьевич

**Утопия на марше
История Коминтерна в лицах**

Ведущий редактор *Е. Д. Щепалова*

Верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Е.А. Кочанова*

Подписано в печать 00.00.2023

Формат 70 × 100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 56

Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127254, Москва, Огородный проезд, д. 14

Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79

Тел.: 8 (499) 685-15-75